

К84(2=411.2)6

К 89

АЛЬБИНА КУЗЬМИНА

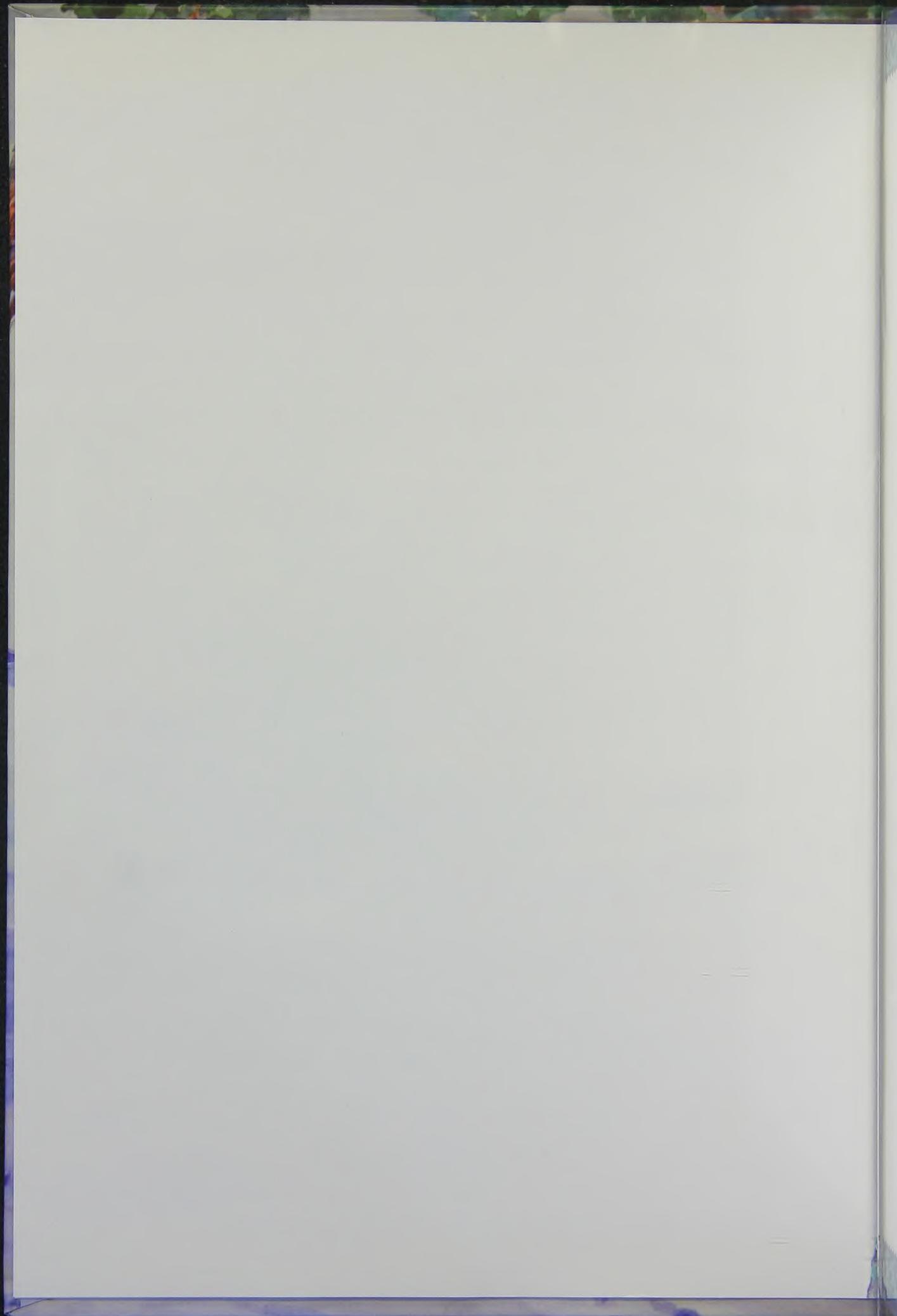

12+

КОГДА ЛЮДИ
БЕССМЕРТНЫМИ БЫЛИ

АЛЬБИНА КУЗЬМИНА

КОГДА ЛЮДИ БЕССМЕРТНЫМИ БЫЛИ

ЛЕГЕНДЫ, МИФЫ, ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ
НАРОДА ХАНТЫ ПО ВАХУ И ОБСКОМУ СЕВЕРУ

- 0198795 -

ТЮМЕНЬ
2015

Государственная
библиотека
Югры

КО

*Давным-давно это было,
когда сказка моя не умела летать...*

КОГДА ЛЮДИ БЕССМЕРТНЫМИ БЫЛИ

Раньше, много лет назад, люди на Мыг бессмертными были. Имели они образы животных: человек-лось, человек-заяц, человек-лиса... Жили все в большом чуме. Кто желал одиночества, жил в юрте, кто в земляном или лесном доме. Жили сколько хотели. Хорошо жили. А кому надоело на белом свете жить, тот в лес уходил и там сидел под деревом до тех пор, пока сам Куль за ним не придёт.

Вдруг что случилось однажды, человек в одном из домов будто умер: не разговаривает, лежит, молчит, никаких звуков не подаёт. Собрались люди вокруг, сели и думают, как его оживить. Понимают, что человек такой должен быть, который вылечил бы. Решили шамана искать, да где его сразу найдёшь. Думали, думали и позвали человека-собаку:

– Мы тебя на совет к Богу отправим.

Согласился человек-собака, собрался в дорогу.

Спрашивает Бог Торум человека-собаку:

– Ты зачем пришёл?

– У бессмертных людей человек умер. Скажи, как его нам оживить?

– Гнилое дерево к голове положите, а к ногам кэв. Пошевелите человека, он и оживёт.

Спустилась собака с небес, спрашивают её:

– Ну, что Бог посоветовал?

Разволновалась собака, говорит:

– Сказал Бог, чтобы к голове кэв положили, а к ногам дерево гнилое. Шевельнуть надо, сильно толкнуть, вот человек и оживёт.

Люди так и сделали. Положили к голове камень, к ногам гнилое дерево – и давай толкать человека. Только от этого человек о камень голову проломил и вскоре совсем дышать перестал – умер. Снова отправили люди собаку к Богу. Когда человек-собака поднялся на небеса, Бог спрашивает:

– Зачем снова пожаловал?

– Да вот, снова люди меня отправили. Всё сделали, как ты сказал, а человек совсем умер. Мы к голове камень приложили, к ногам гнилое дерево. Толкнули, а камень человеку голову проломил.

Рассердился Бог и наказал человека-собаку. Сказал ему:

– За твою непонятливость отныне имя тебе Кантах-амп – собака. Будешь служить человеку и сторожить его жильё, но жить возле людей на улице. Питаться тем, что останется от людской пищи, что подадут.

С тех пор и люди смертными стали. Каждый стал столько жить на земле, сколько Бог отмерил. Каждый обрёл свой образ, а вскоре появились шаманы, посланные Богом свыше.

СКАЗАНИЕ О СТРАНСТВИИ ЁЛТА-КУ

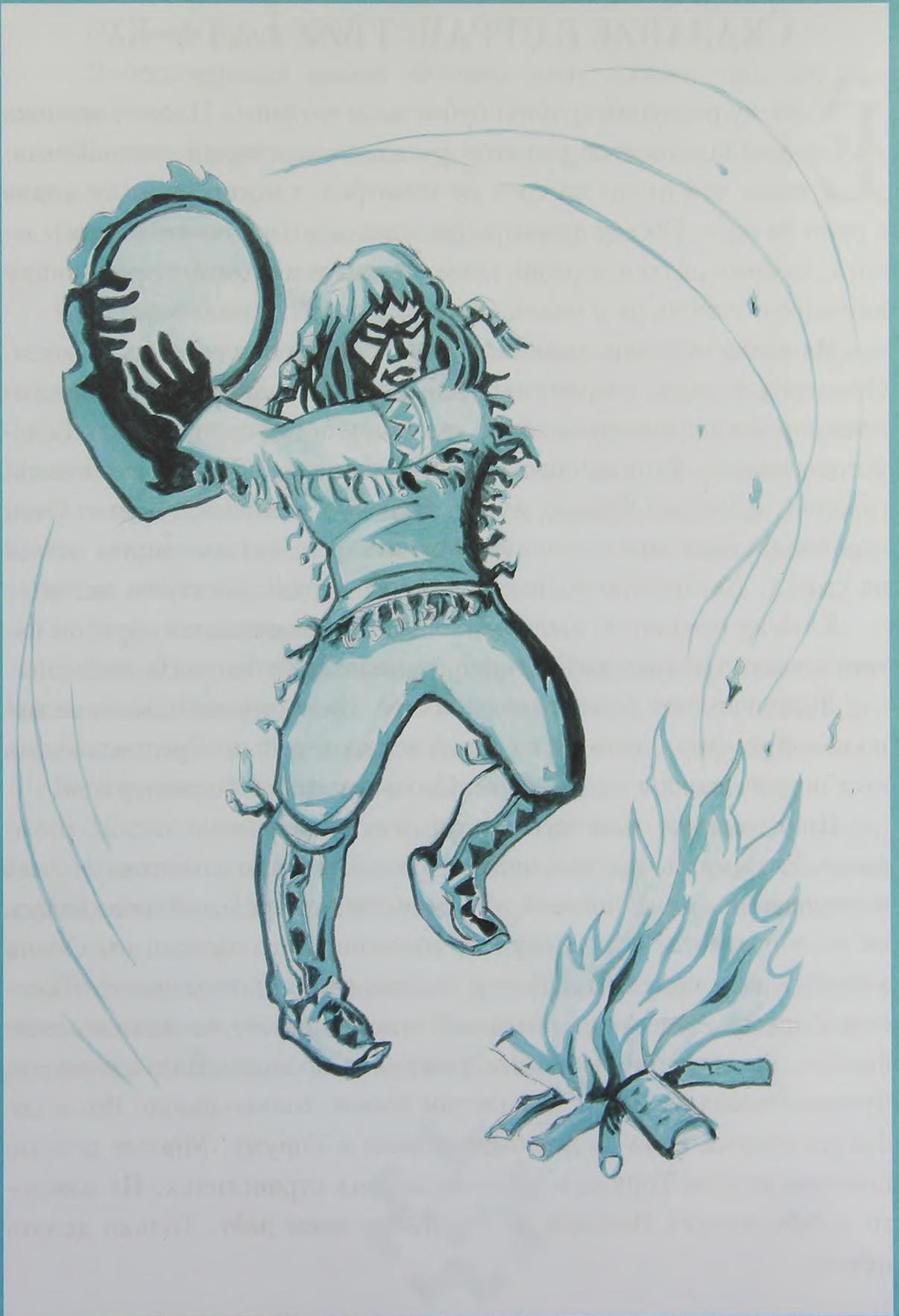
Ёлта-ку раскурил трубку: бубен надо готовить. Плохие времена пришли. Сколько раз себя ругал: то ли старый стал, забывал что-то, то ли грех не усмотрел, где совершил, — удача в руки не идёт. Соседу помог найти вора, другому помог жену вылечить, чужому дитю в деревне глаза вылечил, а родному племяннику внучатому помочь не в силах, так что и себе стыдно сознаться.

Наколел чурочки, развёл лёгкий костёр. Вынес из чума коем. Осмотрел с двух сторон, погладил шершавой рукой. В памяти всплыли воспоминания, когда его, молодого, ершистого и целеустремленного Ёлта-ку посвящали в шаманы. Дед, посмеиваясь, говорил: «Добрый Ёлта-ку будет. Народу своему послужит». Отец горделиво вытягивал голову... А мать радовалась, молча глядя на сына... Да, быстро солнце сменялось луной, постарел, видно.

Ёлта-ку прикинул, выдержит ли молодая кожа, которую он натянул вместо изношенной старой, поцеловал бубен: «Не подведи».

Долго нагревал около лёгкого костра. Казалось, ещё совсем недавно какой он титул держал: только к нему все и шли. Среди скольких мест он побывал вместе с бубном. Скольких людей от смерти спас.

Приготовился Ёлта-ку, переделался, новый халат надел, рукавицы, Ёлта-мюль, всё как полагается... Он читал молитвы, впадал в мгновения воспоминаний. За монотонной работой навалилась на него позевота. Встрепенулся, вспомнил, что загадывал. Очень хотелось ему получить ответ и наставления от верховного божества Торума. Алле-ики — Большой старик обитает на недостижимой высоте, на высоком небе. Все родичи и прадеды Ёлта-ку не раз путешествовали к нему, да и он там бывал, только давно. Вот и собрался старый Ёлта-ку в небесные дали к Торуму. Многие добрые шаманы видели Торума в своих чудесных странствиях. Не каждого к себе жалует Высший да советы не всем даёт. Только делать нечего.

И уже уверенно Ёлта-ку наклонил голову, достал несколько сушёных жёлтых мухоморов, сунул в рот. Достал Палантив. Ударил колотушкой раз, ударил два, она стала медленно отбивать по бубну. Принялся напевать песни жизни. Постепенно он понимал, что тело покалывает, его разморило, и он начинает валиться назад... Но шаман находит в себе силы и вновь бьёт по бубну уже с большим размахом, да так, что костёр в разные стороны пламя бросает. Поёт свои песни старый Ёлта-ку всё громче, умиляет Торума и читает, читает заклинания.

Страхнув бубен, произносит:

– Я сажусь на птицу Тоглан-ваях, большого-большого орла.

Крылья у него, как паруса на большой лодке. Взобрался Ёлта-ку, крепко держится. Летят они долго-долго. Вокруг светло, куда ни глянь, яркий свет разливается, глазам больно. Мир огромный перед маленьким человеком.

Долго летят. Все преграды прошли. Встречаются им семь дверей – семь небес значит. Семь солнц-светил светят, семь месяцев светят, отражаются цветом жёлтых мухоморов. Серебряная речка течёт. Серебряные рыбы плавают. Серебряной воды вдоволь, живой воды вдоволь. Серебряные берега кругом серебряным песком усыпаны.

Дальше летят. Посреди серебряной поляны юрта сверкает на солнце, юрта золотая стоит. Из юрты Большой старик Аллеики, старый Белый старик смотрит. Кланяется Ёлта-ку, поёт приветствие:

Долетаю до седьмого неба, мой Торум.

Приветствую тебя, мой Торум, Бог наш верховный.

Спешу к тебе за советом. Прими меня. Просветли мой разум.

От всех людей Кантах-ку и Руть

Приношу тебе поклоны да подарки людские...

Как снег, Белый старик Торум из золотой юрты на них смотрит, рукой махнул. Вдруг открылось светлое-светлое место. До светлой

земли долетели, где сам Торум живёт. Привязал шаман птицу к большому камню.

Направился в Божий дом – Торум-кат, где птиц и зверей определяют, кому где жить, куда летать, куда зверю бежать по всей земле, кому лунгами быть. Ждёт приглашения. Набирается смелости, заходит в юрту. Давай кланяться да молиться. Едва произнёс:

– Там, на нашей земле, худо живётся. Помоги нам, покажи как жить, как не болеть, старый я стал.

Торум говорит:

– Знаю, кому как жить, кому хворать, кому здороветь. Ступай домой, скажи: уйдёт плохое время, всем будет хорошо...

Покланялся Ёлта-ку, сел на птицу, обратно полетел. Летят скорее, чем стрела, из тугого лука пущенная. Совсем низко Алле-Эмтер, Большое озеро, куженькой оно кажется с высоты. Удивляется Ёлта-ку: какой мир большой и маленький. И человек в нём что букашка. Сколько много дел надо делать, чтобы сердце у человека было большое, как озеро, и жизнь-полёт прозябанием не казалась. Слез он с птицы и пошёл домой.

Очнулся Ёлта-ку. Сколько он отсутствовал, не помнил. Костёр давно погас. «Ну, слава Богу Торуму, родному племяннику лучше стало, жить будет долго. Да и я ещё стожусь, не стыдно людям признаться», – с удовлетворением подумал он и закрыл от усталости глаза.

*И были времена,
сражались богатыри-герои былинного эпоса,
когда сказка моя училась летать...*

ГЕРОИЧЕСКОЕ СКАЗАНИЕ ОБ ОСТЯЦКОМ БОГАТЫРЕ, АНКИ-ПУГОС И ЗОЛОТОМ ОЛЕНЕ

Водились тогда дикие олени. Люди крепкими были. Как только наступало время, весь народ выходил на охоту за дикими оленями. Этот весенний момент успешно использовали враги. Только знали остяки, очаг свой охранять надо. И доверяли самым сильным, самым большим. В этот раз остались здесь, на бору, Богатырь-Старик, мудрёный и опытный, хитрый и ловкий, и Богатырь-Молодой, могучий, ноги его быстрее оленя неслись, пускал стрелы из кремлёвого дерева до самых облаков. Знали, что придут скоро войной самоеды...

Думу думали, рассуждали. Дров сухих и веток заготовили. Припасли древесной серы на всю деревню. Она при любых военных действиях нужна. Ям, тайников земельных понавырыли, сверху крышками укрепили. Попробуй определи. Переоделись в лохмотья, луки спрятали и ждут.

Подошли войска из далёких краёв, из-за большой воды, пришли с шумом, с громом самоедские войска. В одну юрту зайдут – нет людей, во второй – пусто, на столах ничего нет, перекусить нечем, от голода живот сводит... Услышали: из одной юрты дымом пахнет, туда все зашли и говорят:

– Старики, накормите нас олениной, всё равно мы вас уьём.

Один Старик пошёл за дровами, а другой Старик-Богатырь – колоть оленя. Только прикоснулся к дикому оленю, как тот говорит человеческим голосом:

– Не режь меня, остяцкий Богатырь, молви слово им, что не можешь со мной справиться.

Старик-Богатырь, что в лохмотья переоделся, так и сделал. Его на смех подняли:

– Какой ты, палкой толкни – умрёшь со страху.

Пришлось самоедам в лес за оленем диким гнаться. А он бежит себе, бежит, и там, где он выстукивает коленцами, на земле золотой слиток образуется. Кинулись воины собирать золото, ошалели от такого счастья. Кричат:

– Догоняй золотого оленя, убивай золотого оленя!

Только проникли за границу деревни и таёжного бора, как посыпались на них тысячи стрел-самострелов из-за деревьев. То остяцкий Богатырь самострелы поставил. Летит стрела – деревья клонятся, на пути всё сметает. А там и народ с охоты стал возвращаться. Назад вороги кинулись, а там – ямы, тайники болотные да земельные, на колья нарвались, а сверху Богатырь остяцкий их горючей серой полил.

Так победили они воинов. Яль-нельтан – войска поклялись с миром прийти, дочерей своих привести сватать. А вскоре к остяцкому Богатырю золотой олень вернулся. Спрашивает он оленя:

– Что же золото так раздариваешь?

– Так это не я. Это Мать матерей – Анки-Пугос за вас заступилась. Золотые слитки, что я разбрасывал, превратились в маленьких защитников народа остяков, это ваши дети. Иди, встречай.

Засветилось тут солнце ярче прежнего. Анки-Пугос, божья мать, жизнеподательница, говорит народу:

– Живущие там, на северной земле, хорошие вы песни поёте, сказки помните. Буду ваших маленьких ребят выкачивать, таких маленьких, что на глаз не видно. При восходе солнца, с первым лучом буду посылать душу новорождённого на землю. Куда золотой луч упадёт, там и родится ребёнок – всё равно, остяк ли, русский ли...

Так ваш род пополнится богатырями. И жизни им будет отмерено, сколько посох мой золочёный не оскудеет увешанными нитями с узелками. Расстояние от узелка до посоха – это и есть длина жизненного пути. В благодарность приму светлого золотого оленя.

СКАЗКА О ХАНТЫЙСКОМ АЛЛЕ-ГЕРОЕ, ИЛИ КАК РОД БОГАТЫМ СТАЛ

Много в Ваховском крае больших рек и малых проток. Говорят, Урн-ике считал, на палке зарубки делал, да палку ту в лесу потерял. На одной речке купец жил, товаром торговал, на другом её берегу охотник Алле. Все про него говорили, что он – Ёлта-ку. Однажды, когда лист падать с деревьев стал, птицы полетели к теплу, послал купец к Алле своих работников. Сели они в рыт, поплыли. Алле увидел их издали. Стал оленя колоть, а жене велел обмотаться его кишками да поверх широкое, расшитое узорами платье надеть.

Подъехали гости к берегу. Алле позвал их в свой Кат и говорит жене:

– Неси к столу тэр-кул.

Женщина молчит.

– Неси к столу тэр-кул! – закричал Алле.

Она молчит. Тогда схватил он кочик и ткнул им в бок женщины. Брызнула кровь. Он ещё раз ткнул её ножом. Женщина ойкнула и упала на пол. Подбежал Алле к чурбаку, со всей силы ткнул ножичком, стал приговаривать: «Кого убил, того оживи! Кого убил, того оживи!». Женщина лежала, лежала, стала голову поднимать.

Вытаращили глаза посланцы купца, бросились бежать, сели в лодки и поплыли на другой берег, к купцу.

– У Алле волшебный нож есть, – заговорили они наперебой. – Он ткнул свою жену два раза. Она упала. Кровь из неё полилась. Тогда Алле стал ножичком по чурбаку тыкать и приговаривать: «Кого убил, того оживи!» Жена и встала совсем невредимая.

– Не может такого быть! – сказал купец. – Плывите к Алле, просите тот нож, отвезите ему Ёлта-лепу, прихватите Ёлта-пас.

– Нет, – сказал Алле, когда купеческие посланцы передали ему подарки. Тогда достали они новую красивую шапку. Согласился Алле отдать свой нож.

Обрадовался купец, ждёт не дожждётся гостей далёких, чтобы показать им силу волшебного ножа... Приехали гости, купец и ткнул одного в бок. Засмеялся, подбежал к деревянному чурбаку, стал ножом тыкать в него да приговаривать: «Кого убил – оживи». Забежал в дом, а человек умер. Весь день прошёл, а гость не поднялся.

– Обманул всех шаман Алле! Обманул! – закричал купец. – Плывите к нему, скажите: «Оживить нож не может моего гостя».

– Богатый был гость или бедный? – спросил Алле, когда купеческие работники рассказали всё.

– Шибко богатый, – ответили они.

– Я так и знал. Бедный и без ножа с голоду умрёт, его только пальцем ткни. Богатые – жирные, их надо ножом убивать и оживлять.

– Поедем с нами, Алле, – стали звать его купеческие работники. – Хозяин хорошо наградит тебя.

– Мне и дома хорошо, – ответил Алле.

– Он нас в протоке утопить собрался, если ты не приедешь. У него много «огненной воды».

– Ладно, – согласился Алле, услышав про «огненную воду».

Только обласок Алле подплыл, а его уже ждали люди с верёвками. Началась в купеческом доме драка: кто кого поленом по голове бил, кто кусался, кто друг друга за волосы таскал. Алле схватили, завернули в коровью шкуру, завязали верёвками и бросили в протоку. «Теперь конец придёт Алле», – облегчённо вздохнул купец.

Но не тут-то было! Алле волшебные слова знал. Вызвал сильный ловать, чего – и поднялась пурга. В такую непогоду помогли ему священные силы выбраться из протоки. Оказался он на

берегу, связанный верёвками в коровьей шкуре, а в руках держал половинку сломанной чашки, прихваченной при драке с купеческого стола.

В это время по Ваховским протокам русские мужики руть-ике товары на меха меняли. Увидел их Алле, закричал:

– Плывите сюда, богатые люди. Здесь, в протоке, много добра, – и показал им обломок от чашки.

– Зачем тебя в коровью шкуру завязали? – спрашивают купцы.

– Вся сила в этих шкурах! – ответил Алле. – Только в них можно богатство собирать.

– Завяжи и нас в коровью шкуру.

– Вначале мне руки развяжите.

Развязали его приехавшие купцы. Сложил он их рядком, перевязал верёвками и толкнул в протоку. Сам дождался ночи, перевёз все товары купцов на свой берег, затопил чувал...

Вышел купец утром на берег и видит: на другой стороне реки в избушке Алле дым из трубы идёт. «Неужели перехитрил меня этот Алле?» – подумал он и закричал на своих работников. Велел им плыть на другой берег.

Со страхом открывали работники дверь. Слышат: Алле песни поёт, на золочёной кровати валяется. Побежали купеческие посланцы наперегонки к обласам.

– Алле со дна протоки вылез, песни поёт, на золочёной кровати лежит! – издали закричали хозяину.

В эту минуту возле окна сидела купеческая жена Руть-ни, слышала всё, вдруг повалилась, упала ни жива ни мертва.

– Плывите обратно, зовите Алле, обещайте половину моего богатства. Знаю, он шаманить умеет! – крикнул купец.

Делать нечего. Пришлось звать Алле. Долго не ехал Алле. Обиду крепкую держал на купца. Приехали купеческие дочери просить его. Согласился поехать, надел нарядный халат, бубен взял с колотушкой. Начал из жены купца злой дух выгонять. День

шаманил, два шаманил, не смогли помочь Руть-ни его молитвы. Умерла она.

Тут принялся Алле плакать.

– Сурым-касы, сурым-касы, – закричал в слезах. Плакал три дня и три ночи. Купец стал уговаривать Алле, а он всё не переставал плакать.

– Я один остался. Ты один остался, – говорит купцу.

– Не плачь, Алле, я тебе в жёны старшую дочь отдам.

Алле ещё пуще заплакал. От радости заплакал.

– Часть своего богатства отдам. Перестань плакать.

Алле слезами уливается.

– Я тебе двух дочерей отдам и всё богатство. Я уже стар стал. Самому жить надоело, – сказал купец.

Перестал Алле плакать.

Взял себе в жёны двух купеческих дочерей и богатства много. Купеческие дочери родили ему по семь сыновей да по семь дочерей.

Прошло время, и заездили женихи к Алле. Увозили невест в свои стойбища смелые ваховские рыбаки и охотники. А сыновья снох привозили с дальних мест и селились по берегам Синего Ваха. Стал с тех пор род Алле самым большим и богатым.

КОТЕЛОК С НАПЁРСТОК

От пожаров убежали звери, улетели птицы. Несчастье всех на ноги подняло. Многие люди ушли в Вах-вонт, Ваховский урман. Только старик со старухой в горельниках остались и жили в низкой Вели-кат.

Однажды охотники из-за увала забрели в давнишние горельники и удивились, увидев там юрту. Вошли. В юрте бедным-бедно. Они и спрашивают крохотного старичка:

- Кто на охоту ходит? Варёным ного пахнет.
- Сыновья, – ответил старик. – Пришли вот с охоты да спят.
- Что-то никого в юрте не видно.

Старик приподнял полог, а за ним подушку, под которой спали вповалку крохотные карлики.

- Какие это помощники? – спросил один из охотников.
- Они маленькие да удаленькие, – ответил старичок. – Кормят и поят нас со старухой. Нам много ли надо? Сварим вот этот котелок и сыты.

Он указал на котелок маленький-маленький – с напёрсток.

Удивились охотники.

- Да какие они охотники? Их любая мышка с ног сшибёт!

Старик обиделся.

– Много вы знаете! Уходите, уходите, откуда пришли. Уходите, пока сыновья не проснулись, а то и беды не оберёмся. Не смотрите, что они маленькие. Как лук возьмут! Богатырями станут. Стрела их может издалека через деревья догнать и прострелить.

- Да ну-у-у! – ухмыльнувшись, медленно протянул другой.

– Не будем спорить. Поешьте мяса из нашего котелка и уходите туда, откуда пришли.

Заулыбались охотники.

Поставил старик крохотный котелок на огонь, а он стал всё расширяться да мясом заполняться.

– Отдай нам его, – сразу нашёлся один из пришлых. – Стадо оленей пригоним.

– Как я отдам свой котелок? У меня семья такая большая.

– Много ли надо твоим сыновьям?

Тут увидели, что из-под полога выскочила крохотная девочка, подбежала к огню и тонюсеньким голоском сказала:

– Ешьте скорее и уходите, пока братья не слышат, о чём вы говорите.

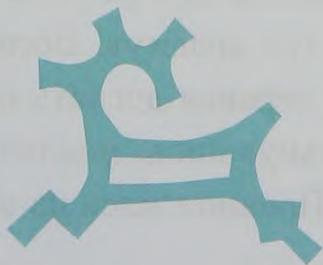
Охотники не торопятся. Вдруг над головами Чуга-нял-кух пролетела, пробила стену юрты, пронзила большое дерево и улетела на другой берег протоки.

Испугались охотники. Один бросился бежать и про суп забыл, другой со страху остался в юрте. Вылезли из-под полога крохотные мужички, поздоровались с охотником. Вместе суп похлебали.

Прошло дня два. Один брат и говорит охотнику:

– Оставайся у нас жить. Наша сестра будет тебе невестой. Тогда и мы с вами в Ваховский урман уйдём. Может, у вас будут дети высокими, как ты.

Остался охотник. Котелок с напёрсток кормил всех супом да вкусной ухой.

*Когда люди стали обижать друг друга,
сказка моя училась летать...*

О ЧЁМ МЕДВЕДЬ ТОРУМУ ЖАЛОВАЛСЯ

О давних времён люди почитали медведя. Хозяином леса называли. Встретив в лесу, старались обходить стороной. И медведь не трогал человека. Нарушил этот порядок человек: стал охотиться на него, как на любого зверя. Обидно стало медведю, что стали его сравнивать с лосями, оленями и даже лисами. Стал он думать, как почитание себе вернуть. Ничего придумать не мог, надумал Торуму пожаловаться.

Торум спустил с неба золотую цепь, поднял медведя.

– Беда ко мне пришла, – пожаловался он, – люди за мной охотиться стали и убивать. Человек хитрее меня.

Торум долго слушал, молчал, а потом сказал:

– Ладно, слушай: спустишься на землю, окажешься в лесу, спрячься на тропе человека и жди. Как услышишь шаги, подбеги неслышно и ударь его своей лапой. У него сломается ребро, а другие твоей силы испугаются.

Спустился медведь с небес. Спрятался в кусты возле тропы, человеком проторённой. Долго прислушивался, приглядывался.

- 0198795 -

Государственная
библиотека

КО

Вдруг услышал шаги и скоро увидел: мужчина идёт по тропе, сзади себя ликер тащит. Медведь, недолго думая, выскочил из-за кустов, стал догонять нарту. Уши охотника шаги медвежьих услышали. По храпу и рычанию медвежьему понял: не ошибся. Пожалел, что печкан с собой не взял, зато топор на нарте нашёл. Как только медведь подбежал ближе, он со всей силы треснул медведя прямо по голове. Тот на задние лапы встал, прорычал и упал замертво.

Другой медведь видел всё это, испугался и так бежал, что у него медвежья болезнь приключилась. Упал возле пня. Лежал день, лежал два и думал, что плохо просил его брат Торума. Потому тоже попросился на небо. Торум долго молчал, не хотел разговаривать с медведем:

– Я же давал совет одному из вашего рода, а он не смог напугать человека. Другого совета у меня нет.

– А как нам жить?

– Так и живите теперь! Люди убивать вас будут, ваше мясо есть, на ваших шкурах валяться.

– А почести?

– Почести ждите после смерти. Человек будет вам праздники справлять, перед вами песни петь, танцевать, когда голова медведя на столе лежать будет.

Спустился медведь с небес. Долго думал, долго чесал лапой за ушами.

С тех пор медведь стал стороной обходить встречу с человеком, на зиму берлогу строить, в суровую зиму в ней зимовать.

ЖЕНЩИНА – ОГОНЬ

Стояли по соседству две избушки. В каждой горел свой огонь. Без огня в тайге скучно живётся. В одной избе женщина-хозяйка сердилась на огонь: плевала в него, всякий мусор бросала, угли рассыпала, золу не сметала. Горел он тихо-тихо, еле-еле теплился. И дети лезли в огонь с палочками, поджигали их, тыкали горящими прутиками куда попало. Даже друг другу платье прожгли.

А другая хозяйка, соседка её, наоборот, поленья клала одно к одному, разжигала чувал берестой или тонкими лучинками, каждый уголёк на место убирала, золу крыльшком сметала. Детей к огню не пускала. И горел огонь весело. Ярким светом полыхали поленья, посылали тепло во все стороны.

Пришла к ней соседка, увидела, что в юрте светло, и говорит:

– Какой у тебя огонь хороший, а у меня только поленья шипят, – и попросила она у соседки угольков для огня, да скребок и валик для выделки шкур.

Подала углей:

– Возьми. А валик там на полке лежит.

Взяла соседка и ушла. Даже спасибо забыла сказать.

Скоро югон – ночь пришла. Все уснули. И снится доброй женщине сон, будто явилась к ней незнакомая женщина, вся в красном, вся огнём горит и жалуется:

– Моя хозяйка не смотрит за мной. Смотри, у меня всё платье горящими лучинками истыкано, и тело мое обожжено, и ноги, и руки.

Замахала она красными рукавами. Жарко стало хозяйке от огненной женщины. Вскочила она, распахнула дверь – и обмерла: соседская избушка догорает. Побежала, а там одни головёшки валяются. Погоревала-погоревала, видит: среди углей лежат в уголке скребок и валик её, совсем не тронутые пламенем.

Догадалась она, что это огонь обиделся на нерадивую хозяйку и оплатил ей пожаром.

СКАЗ О ДВУХ ОГНЯХ

На берегу реки, недалеко от таёжного бора, устроили стоянку две семьи. Мужчины ходили в лес зверя промышлять, а женщины – ягоды собирать. Мужья на реку, на озёра рыбу ловить, а жёны рыбу солить, вялить, на зиму готовить да на стол собирать, семью кормить.

В каждом чуме горел свой огонь. Каждая семья по-своему берегла чувал, поддерживала, чтобы не погасли угольки. В семье Ани были дети малые, но спокойные и послушные. В семье Ими дети чуть постарше, но забот с ними не оберёшься: не слушают родителей и меж собой не ладят. Часто и малым деткам, что по соседству, докучали, до слёз доводили.

Ани-женщина учила своих детей доброму отношению к домашнему очагу, чтобы с костром шёпотом разговаривали, уважали его, за Огонь-духом наблюдали, слушали, о чём угольки шепчутся.

Говорила мать:

– Огонь-женщина – хозяйка нашего очага. Но у неё есть много братьев и сестёр, есть и маленькие духи, и большой Огонь-дух, и всегда они обидчика найдут. Не обижайте сестёр, духов.

Рассказывала о почитании огня у домашнего очага:

– Давным-давно, когда не было в Ваховской стороне огня, люди из рода Ани много работали, но жили в бедности, в холоде и голоде. Отправился тогда наш брат Иким, пра-пра-прародителей в далекую страну за Камень-гору и вернулся, держа за руку невесту Май-Ни. А в другой руке – Огонь-дерево. Сшили они из красной материи платье. Осветили его и принесли в подарок Колпак-Ню. Было повелено: хранить красное платье нашей дорогой Няй-Ны да поглядывать на огненный уголёк пуще глазу, не сердится ли. Передавать огонь из рода в род. Вот и вы, мои детки, должны следить, чтобы не погас огонь нашего очага, чтобы не рассердился на нас.

А у Ими-женщины всё было наоборот. За детьми она не следила, толком не учила, сама ничего не делала. Сердилась на них: – Вот я вас отдам огню на съедение!

К труду дети были непривычны и ленивы. Мусор разбрасывали, палками в тюгал тыкали, кричали громко, ссорились и дрались возле огня.

У хорошей хозяйки Ани костёр – словно вторая хозяйка очага, ухоженный. Место, что отводится вокруг, – чистое, песком светлым посыпано, зола, как мука пшеничная, а полешки в костёр все ровные, жаркие. Серные, маслянистые дрова Ани убирала, чтобы не шипели. Всё успевала, бывало и дел разных ой как много.

Пришла как-то Ани-женщина, уставшая: ягод семь туесов набрала, полсотни километров по кочкам да болотам прошагала, ног не чуя, комарами и мошкой искусана. Дети тоже притомились, по два туеса шишек кедровых собрали. Муж с добрым уловом явился. Ужин приготовила, семью накормила. Лаек охотничьих не забыла, оленей в загоне проверила, дров к печке на ночь занесла – вечера осенние прохладными становятся. Еле до постели дошла, как в сон сморило.

Явилась к ней женщина, вышла из костра, взгляд свой искоса бросила – заиграло на ней платье розовым облаком. В следующее мгновение огненным змием обратилось, с множеством шипящих голов. Хитро улыбнулась гостя и, прищурившись, произнесла:

– Видишь, какой я могу быть!

Размахнулась пламенным крылом – с братом своим младшим Тугот-Пуркой встретила. Дверь юрты распахнулась – входит гостьей женщина. Приглашает Няй-Ны:

– Проходи, сестра младшая, с чем пожаловала?

Вслушивается Ани-женщина в разговор и в толк никак не возьмёт. Отчего же её сестра в такой грязной одежде? О чём они друг другу жалуются? Младший брат, огонёк маленький, разгорелся, убеждает сестру: огнём-пламенем пора разгуляться – развеять по лесу... И меня изранили. Надо сестру младшую защитить....

– Брат неразумный, – отвечает Няй-Ны, – моему очагу худа не делали. Усмири злой ветер, упроси пролететь мимо облаком. Прошу тебя об услуге: в том чуме находятся вещи моей хозяйки – вертел для очистки орехов, сохрани его.

На том и разошлись в разные стороны.

Прошла ночь. Проснулась Ани-хозяйка тревожная, удивилась такому сну:

– К чему бы это? Задобрить нужно огонь, где-то, видно, обидели.

И решила рассказать свой сон соседке. Вышла из дома и вздрогнула. Соседнего чума не оказалось рядом. А на том месте, где он стоял, только пепел да угли тлеют... Значит, сон-то вещий был. Поодаль заметила она грязно-красное одеяние: то было заветное когда-то платье младшей сестры Няй-Ны. Взглянула на догорающие угли, видит: возле тлеющего костра лежит нетронутый пламенем её вертел для очистки орехов.

«Спасибо тебе, Огонь-дух, спасибо тебе Няй-Ны, заветная охранительница моего домашнего очага», – прошептала Ани-женщина. И послышалось: «Спасибо тебе, хозяйка».

*Когда звери стали обижать,
ещё сказка моя училась летать...*

НАГИ-НИ И ДЕВКА ПУРНЭ

Пришла весна, разлились речки. Стало затоплять все ямки, а у зайчихи маленькие зайчата спали. Испугалась она, надрала берестяной коры, стала шить коробки: в стенках дырки выгрызла, положила на дно травы, на неё зайчат и сверху снова травой прикрыла. Взвалила лукошки на спину и пошла от сырого места. Идёт, зайчаток несёт, а они в дырочки поглядывают.

В лесу деревья распустились, серёжки повисли, и ещё какие-то разноцветные колокольчики зацвели. Увидел младший зайчонок, закричал:

– Мама, сорви мне один колокольчик, я поиграю.

Сняла она с дерева незнакомый маленький колокольчик, подала зайчонку, и глянь – он тут же с колокольчиком в землю провалился. Долго она царапала лапками землю, не могла отыскать сыночка. То же и с остальными зайчатками случилось. Осталась она одна. Плакала-плакала, взяла в лапки топорик, надумала развести костерок. Только стукнула по пню, а из него выскочила лохматая девка:

– Пыр-пыр! – закричала.

С испугу зайчиха в беловолосую девушку обратилась. Стоит перед Пурнэ, дрожит:

– Значит, ты, Наги-ни, хотела мой домик сломать?

– Я хотела дров нарубить, костерок развести, погреться. У меня горе. Мои детки-зайчатки сквозь землю провалились.

– Не беда, – проговорила Пурнэ, – будут ещё детки. Пойдём со мной. Я земляную юрту знаю.

Среди бурелома нашли они земляную избушку. Пурнэ и говорит:

– Так есть хочется.

– Я пянте-кул-пекар-инк в кузовке держу, из неё уху сварим.

Затопила Наги-ни костерок, в юрте тепло стало. У Пурнэ слюнки потекли.

– Теперь спать надо, – зевнула Пурнэ. – Снимай свою шубку из меха и беличьих лапок. Она тёплая, мягкая, ей укроемся. Моя – одно тряпьё, на ней лежать будем. А завтра я с тобой пойду.

– Куда ты пойдёшь? На улице холодно. Снег повалил, а у тебя ноги голые.

Нашла Пурнэ в избушке деревянную чашку, расколола на две половинки, привязала на голые ноги.

Легли спать. Ночью повалил снег. Застучал в стены тарам-вот. Долго спала Наги-ни, а как проснулась, увидела – нет в юрте Пурнэ, нет шубки. Лежит только грязная, худая шуба Пурнэ. «Пусть идёт, – подумала Наги-ни. – Если она ведьма, шубка моя исколет её иголками, а чашки-половинки на ногах пусть тянут в разные стороны: одна вперёд, другая назад».

Только подумала так и видит: на снегу капельки крови, а за поворотом и сама Пурнэ на снегу стоит, управиться с половинками чашек не может. Одна половинка в одну сторону катится, другая назад тянет.

– Чего это у тебя шуба такая кусачая? – издали закричала она на Наги-ни. – Снаружи красивая, а внутри всю искусала. Даже кровь на снег капает, погляди.

– Не бери чужое, – ответила Наги-ни. Стащила с Пурнэ свою шубку, ей рваную подала. Пошли дальше. Идут, не разговаривают. Скоро голоса собак слышались. В стойбище пришли. Видят: с горы люди катаются.

– Давай загадаем, – сказала Пурнэ, – какой мужчина к нам подкатит, тот и мужем станет.

Только проговорила, как с горы к Наги-ни подкатил мужчина с железными коленками, а к Пурнэ – с перевязанными черемуховыми ветками.

– Вот и невест нашли! – закричали люди.

Так остались жить в стойбище Наги-ни и Пурнэ. Хорошо стали жить.

Пришла новая зима. Люди опять после охоты и рыбалки стали с гор кататься. Мужья и попросили жён шубы сшить. Беловолосая Наги-ни крепкую, красивую шубу сшила. Увидела Пурнэ и говорит:

– Научи меня шить так же.

Наги-ни стала рассказывать, как крепкую шубу шить:

– На спинку – шесть шкурок, на плечи – по одной, впереди, чтобы шуба шире была, – семь шкурок бери.

Побежала Пурнэ домой. Всю дорогу приговаривала: «На спину – шесть, впереди – семь, не забыть на плечи». Вдруг запнулась о кочку, и всё из головы вылетело. Села шить мужу шубу, все пальцы исколола. Где шила, где клеила, где нитками стягивала. Сшила кое-как.

Пришло время с гор кататься. Прокатился муж Наги-ни – шубка ещё красивей стала. Покатился муж Пурнэ – вся шуба развалилась на отдельные лоскутки. С тех пор так и говорят на Вахе: «Это Пурнэ непутёвая шила», если женщина не умеет свою семью обшивать.

ЖАДНАЯ ВОРОНА

В глухом лесу жила Урн-ике с воронятами, а под кустом Тегор с зайчатами. Зайчиха всё по лесу бегала, корм зайчатам приносила. Они росли чистенькие, сытенькие. А ворона только по лесу летала, кричала да каркала. Всех от себя отпугивала. Воронята росли горластые, перья взъерошенные. Все рты разевали, есть просили.

И говорит как-то ворона зайчихе:

– Возьми меня на охоту. Ты всегда своим зайчатам еду находишь.

– Нет, – говорит зайчиха, – ты горластая, себя выдашь и меня погубишь.

– Возьми, – просит ворона. – Буду делать, как ты.

– Я сухие листочки собираю, травинки, а тебе мышей надо. Твои воронята травой не насытятся.

– Возьми, – просится ворона.

– Ну ладно, – вздохнула зайчиха. – Только ради твоих воронят. Устала я их голодное карканье слушать.

На другое утро отправились на охоту: ворона летит, зайчиха бежит. Видят охотничью тропу. Закаркала ворона. Зайчиха ей и говорит:

– Прячься, садись на обгорелый пень, а я под кустами затаюсь.

Спрятались. Вдруг слышат: «Чухыр-р-р!» Это по лесу шёл Сувс-ики, лесной людоед. Идёт по тропе, пыхтит, за собой на верёвке привязанных выдр тащит.

Не вытерпела ворона, взлетела, начала кричать и каркать:

– Дедушка, какую я выдру возьму?

Лесной людоед оглянулся. Увидел над головой ворону, поднял палку, на которую опирался, да как стукнет вороне по голове, она и упала в лесу. Выскочила из кустов зайчиха, нашла ворону, а та лежит на едва приметной тропке, только ножками дёргает.

Побежала зайчиха за лесным людоедом, отгрызла верёвочку с одной выдрой, взяла за лапку и потащила к кустам, где зайчатки и воронятки остались.

- Тётенька зайчиха, где наша мама? – загалдели воронята.
- Сзади, не летит, а по тропке идёт, вам жирную выдру тащит.

Прошло немного времени, воронята опять кричат:

- Тётенька зайчиха, наша мама всё ещё домой не прилетала.
- Спускайтесь с дерева, поешьте мяса.

Спустились в заячью нору воронята, поклевали ного, уселись в угол, спрятали головки под крылышко, уснули.

Не успело солнышко взойти, воронята уже залетали, закричали:

- Где наша мама? Где наша мама?
- Летите по охотничьей тропе, может, её увидите.

Полетели воронята, все тропки оглядели и на одной, самой травянистой, увидели, что кто-то шевелится. Пригляделись, а это их мать по тропе ползёт, на крылья подняться не может. Захлопали воронята крыльями:

– Пойдём тихонечко к заячьей норе, у них мясо есть, ты поешь и взлетишь на крылья, – сказал старший воронёнок.

Еле-еле вороньими шажками дошли они до заячьей норы.

А зайчихи с зайчатами уже не было. Убежали они сами себе корм добывать.

Скоро ворона поправилась, отъелась мяса, а воронята стали сами о себе заботиться. И всё время вспоминали добрую зайчиху.

*Когда люди стали народом,
сказка моя стала летать...*

ЗАГАДОЧНОЕ ИМЯ

У мужа с женой была одна единственная дочь. Росла она скромницей, рукодельницей. Как стала подрастать, стала на охоту с отцом ходить. «Растёт Май-ни, – думает отец. – Скоро и женихи свататься будут».

– Плохо нам без неё будет, – говорит мать.

– Но как жить без внуков? Не сразу будем замуж отдавать. Калым просить не будем, а всех, кто посватается, попросим отгадать её имя.

– Ладно, – согласилась мать. Придумали имя девушке и стали спокойно жить.

Сваты не заставили долго ждать. Один сват приехал, другой. И все своих сыновей нахваляют:

– У меня сын белку прямо в глаз стреляет, – говорит охотник.

– Мой сын лучше всех облас делать умеет.

– Мой сын уже с верховья дальней реки Туй стадо оленей пригнал.

А вечером, когда все сидели возле огня, за окном прошуршали чьи-то шаги. Открылась дверь, и в юрту вошёл незнакомый паренёк. Все подумали: «Этот не с ваховской стороны. Малица другим рисунком

расшитая. Подпоясана ремнём, на котором нож в расписных ножнах, колчан со стрелами». При виде его лицо девушки вспыхнуло. Это заметил людоед, который превратился в человека и тоже сидел рядом со всеми возле чувала.

– За того дочь отдам, кто отгадает её имя, – объявил отец дочери.

Стали перебирать имена. Один круг прошли, другой круг прошли, а никто не угадал имени девушки. Встали, откланялись и поехали по стойбищам думу думать, имя отгадывать.

Прошло по небу двадцать лун. Снова собрались охотники возле огня имя девушки отгадывать. Людоед совсем не знал женских имён, выскочил на улицу, схватил за загривок собаку, приподнял, потряс, зарычал:

– Говори, как зовут дочь твоего хозяина.

Заурчал пёс, оскалил зубы. Людоед давай у него шерсть выщипывать. Заскулил пёс, а людоед твердит одно:

– Скажи имя, скажи имя.

Вдруг разинул пасть – и проглотил собаку. Подержал в брюхе, выплюнул. Собака завизжала, задрожала, у неё не было силы убежать от людоеда.

– Видел, как у меня в брюхе темно? Проглочу снова, не выплуну!

– Ай-вар-ике – её имя.

Забежал в юрту людоед и закричал:

– Ай-вар-ике! Ай-вар-ике!

Вздрыгнула девушка, заплакала мать, но делать нечего. Повесили головы сваты. Ушёл молодой охотник.

– Бери в жёны дочь мою, – сказал отец. – Отгадал её имя.

Остался обманщик жить у них. И хотя он имел облик человека, всё равно от него шёл то прелый дух, то гнильём от него пахло, то болотинной. Заметила мать, загрустила дочь, есть перестала, пить перестала.

– Умрёт, – шепчет горестно отцу.

– Сам вижу, – ответил отец. – Надо нам научить её, как убежать от людоеда.

– Нелегко это. У него ноги сильные, руки крепкие, зубы острые. Как-то вечером, когда людоеда не было в юрте, мать сказала дочери шёпотом: «Обмануть его надо». Догадалась Ай-вар-ике, о ком заговорила мать, согласно кивнула головой.

– Давно твоя Имиль дала мне гребешок, брусок и топорик. Давала и говорила: «Тебе не надо будет, кому-нибудь другому, доброму человеку отдашь». Пришла пора пошевелить бабушкины подарки. Скоро мы попросим вас съездить в Котла-ёр. Туда ехать на лошади. Вот ты подумай, где, в каком месте бросить за спину гребешок. Тебе сказать надо: «Встань за мной, лес густой». Сама садись на коня и мчись, пока погоню услышишь. Тогда брусок брось и скажи: «Всё в вечный камень превратись». Горы поднимутся за тобой, а ты всё скачи, не останавливайся, не оглядывайся. А если и тут погоню услышишь – не оборачивайся, а то твой муж вместо лошадиного хвоста тебя схватит. Ты брось тогда за спину топорик, скажи: «Руби того, кто догоняет меня, на мелкие кусочки».

Всё так и случилось. Пришлось Ай-вар-ике и гребешок бросать за спину, и брусок. А когда чья-то рука стала хватать лошадь за хвост, бросила топорик. Сказала слова, каким мать учила. Застучал топорик. Не видела ничего Ай-вар-ике, нёс её конь, куда глаза глядели.

Тут конь запнулся и упал, только и сказал: «Теперь близко», – и закатил глаза. Осталась одна Ай-вар-ике, кругом лес да тихая протока. Пригляделась и видит: плывут по волнам лёгкие стружки. Догадалась: «Кто-то лук мастерит. Пойду против течения. Оттуда стружки плывут». Шла, шла, увидела под сосной берестяной чум. Зашла тихо. Видит: сидит мужчина, точит стрелы.

– Петявола, – сказала чуть слышно.

– Проходи, добрый человек, гостем будешь, – ответил мужчина, вставая. И тут выпали у него из рук стрела и нож, которым чинил её.

– Ай-вар-ике! – закричал молодой охотник, тот, который не смог угадать её имени. – Долго я ждал тебя...

Обнялись они и стали жить да детей растить.

ЗОЛОТАЯ ХОЗЯЙКА

В давние времена жил на устье реки один Старик. Была у него жена или нет, никто не видел. Была ли у него семья, никто не знал. Шла такая молва в народе: кто к нему остановится на погост – обязательно увидит чудо. Пригласит он отведать чего, будто неведомая сила выставит на стол самую лакомую еду, что скатерть-самобранка. Никто не приносит тарелки – яства сами собой являются. Старик говорит:

– Не пугайтесь, гости дорогие! Это моя жена готовит.

С тех пор много гостей и друзей у Старика стало. Все хотели бы узнать о чуде. А он им говорит:

– Хозяйка у меня святая, невидима для других. В трудную минуту послал мне Торум добрую жену. Она красивая, умная, работающая. Только я могу видеть её золотые руки и никто другой. Молитесь, и вам воздастся.

Много стало завистников у Старика. А он всех привечает. Однажды было так. Недалеко от него, ниже течения реки, жила дружная семья. У них два сына. Не поверили они рассказам людей о доброй хозяйке и собрались разузнать правду. Сели в обласа и вскоре объявились у Старика. Спрашивает их:

– Что привело вас ко мне?

– Хотим узнать, как поживаете?

Пригласил Старик в свою избушку:

– Проходите, гости, угощу вас чаем.

Расселись братья за столом. Хозяин сказал:

– Жена моя! Накорми молодых людей. Устали они с дороги, напой их чаем горячим с отваром смородиновым да постель мягкую постели.

Не успел старик произнести, как стали появляться на столе разносолы. Целое пиршество. Тут тебе и оленина, и строганина, и пирог муксуний запечённый, и жаренка рыбная, и подавуха отменная...

всего не перечесть. От одного только обилия пищи, вкусного запаха насытились братья, язык чуть было не проглотили, и спасибо толком вымолвить не могли. А Старик улыбается, говорит:

– Не пугайтесь, отведайте угощения. Моя жена мастерица, настоящая Золотая хозяйка.

Успокоились добрые молодцы, потрапезничали. Во что не верили – убедились, что не едали – попробовали. А любопытство всё равно верх берёт, расспросить бы Старика о чудесах своей хозяйки.

– Урожайный год выдался, – издалека начали разговор братья, – богатый нынче промысел. Много рыбы наловили. Белок добыли, дичи: глухарей, косачей. В урманах рябчиков сколько! Ягод заготовили на зиму! Только еды такой, что хозяйка потчевала, не видывали!

Так хвалили себя, хвалили, не заметили, как вечер наступил. Остались ночевать. Уже засыпать стали, как один из братьев шепчет:

– Не спишь ли?

– Не сплю.

– Не увидели мы жену Старика. Не показалась гостям. Ни слова не услышали и от него.

И придумали: утром пролить на скатерть горячий чай. На том и порешили. Стихло кругом. Только слышался храп Старика. Видно, крепко уснул, намаялся за день.

Проснулись братья, когда солнце уже стояло высоко в небе. День тёплый и ясный. Хозяин уже на ногах давно, что-то по хозяйству мастерит. Подошли к нему, а он рассмеялся:

– Долго спите. Неужто вас родители не приучили к работе? У нас летний день зиму кормит.

Насупились братья, промолчали.

– А я вот нарту готовлю. Старая-то не выдержит, за зиму развалится. Как буду в лес ходить? – проворчал Старик. Снова не поддерживали разговор братья – о своём думают.

– Ладно, пойдёмте к столу.

Старик, направляясь к дому, крикнул:

– Жена, накрой нам стол.

Стол накрылся. Позавтракали. Пришло время сугмелуват пить. Старик опять:

– Жена, подай нам чайку.

Так же, как и вчера, откуда-то со стороны чувала появились кружки, наполненные ароматным смородиновым чаем. Они бойко направлялись к столу. Только коснулись поверхности, как вдруг один из братьев нечаянно опрокинул кружку с горячим чаем. Послышался жуткий стон, и через минуту в воздухе промелькнули обожжённые женские пальцы. Испугались братья, бросились бежать к обласам и вскоре скрылись за поворотом реки.

Вечером Старик позвал жену. Когда накрывался стол, он видел, как мелькает туда-сюда белая тряпица: ею жена обернула обожжённую руку. Он съехидничал, рассмеялся:

– Что это тут за пютка носится? А мне не покажется?

Спокойный женский голос ответил:

– Не время ещё. Да к утру всё заживёт. Кушай и ложись себе спать.

Крепко спал Старик, проснулся к полудню.

– Что это я так заспал? – недовольный, пробурчал себе под нос. Вышел во двор, ополоснул лицо водой и крикнул:

– Эй, хозяйка! Отчего меня не разбудила? Когда кормить думаешь?

Вошёл в избу. Тишина вокруг. Стол стоит. На нём – ни одной тарелки. Чайник пустой. Печка холодная. Удивился Старик:

– Что такое? Где ты, жена?

Никто ему не ответил. Осмотрелся вокруг, прошёл взад-вперёд по избушке, заглянул под кровать. Никого не увидел, ничего не заметил. Крикнул рассерженный:

– Что с тобой? В прятки решила поиграть? Отзовись.

В избе – тишина. Вышел он во двор.

– Как это, великий Торум? – стал он жаловаться, взмолившись к небу. – Сказал, что не буду я нужды в еде испытывать. А тут что?

И вдруг прогремел Тарам-вот, раздался бурей – голос Торума послышался:

– Старик! Доверил я тебе одну из дочерей своих за твоё мастерство и доброе сердце.

– Так и есть, – подтвердил Старик. – Не растратил я доброты. Кто в гости приходит, всех угощаю.

– Так-то так. Да не уберёг ты Хозяйку от завистливых людей. Не защитил. Пришлось показать ей свои золотые руки. А уговор был. Да и сам ты обидные слова стал произносить Женщине. Что же мне с тобой делать?

Испугался Старик, потупил взор, да делать нечего.

Сказал Торум:

– Посему так теперь будет: пищу ты сам себе добывать станешь и стол накрывать, и гостей привечать.

Говорят, как потерялась добрая женщина, Старик погоревал-погоревал да и отправился в дорогу. До сих пор ищет Золотую хозяйку.

ПЮТКА И СЕСТРА

Строили брат с сестрой забор на реке, чтобы рыбу поймать. Пришла весенняя пора, пошла гулять по реке рыба. И попала им большая сарт. Еле вытащили на берег. Стоят, смотрят друг на друга. Брат говорит:

– Ступай в стойбище, притащи сосновую нарту.

Побежала сестра, притащила сосновую нарту. Стали они вытаскивать сарт: брат за голову схватил, сестра за хвост взяла. Еле-еле положили на нарту. Нарта сломалась. Тяжёлая была щука. Снова говорит брат:

– Беги в стойбище, принеси нарту осиновую.

Притащила она нарту осиновую. И опять та сломалась.

– Беги за железной, – сказал он сестре.

– Где я её найду?

– В стойбище есть железная нарта.

Долго ли, мало ли ходила сестра, притащила железную нарту. Еле подняли рыбищу, притащили к своей юрте. Брат говорит сестре:

– Я устал, пойду спать. Ты свари мне уху из головы и печени.

Сестра согласилась. Пока варила уху из головы и печени, сама не заметила, как съела всю. А брат всё спит. Стала она ему варить уху из хвостов и плавников, да ещё набросала туда потрошков и разных костей.

Брат проснулся. Стала сестра наливать уху. Он попробовал, сморщился и спросил:

– Отчего такая уха невкусная? Чем она воняет?

– Не знаю, – хитро говорит сестра.

– Не хочу такую уху есть! – рассердился брат.

Выскочил из юрты, сестра за ним и видит: он от злости в пютку превратился.

– Пютка, пютка! – закричала сестра.

А птичка помахала крыльями над её головой, села на отверстие в крыше и стала дразнить сестру.

– Сама ешь такую вонючую уху! Пи-пи-пи...

Заплакала сестра, стала звать брата обратно.

– Пютка, пютка, не улетай. Я сошью тебе вели-сох.

Ничего не ответила птичка, всё кружила и кружила над головой сестры.

– Не улетай, сошью тебе вели-сов-чов, разошью узорами.

А птичка уже скрылась за лесом.

Летела, летела. Уже пошли буреломы, леса, поваленные вкривь и вкось. Издали увидела большую юрту, из верхнего широкого отверстия валил чёрный дым... Села птичка на палку, стала заглядывать в юрту, видит: висит на стене мальты, а в нём вой. Залетела через отверстие на крыше и стала клевать жир.

Наелась, почистила крыльшки, хотела вылететь обратно да не смогла: крылья вымазала в жиру, они и отяжелели. Много съела жира.

Слышит: на снегу лыжи скрипнули. Притаилась пютка, залезла под шкуру, выглядывает.

Ввалился в юрту великан, чихнул и говорит:

– Кто-то в юрту ко мне пришёл.

И стал он обшаривать руками все уголки.

– Чего это такое тёплое, мягкое? – взял он в ладони птичку. – Дай разожгу огонь, посмотрю.

Разглядел перепуганную птичку, засмеялся:

– Жиру захотела! Сейчас мы его из тебя вытопим. Сейчас посажу тебя на берёзовый прутик и поджарю.

Надел он птичку на берёзовую палочку и стал поджаривать на тихом огне.

– Поверни меня на спинку, – закричала птичка, а жир так и каплет в огонь. – Теперь поверни на другой бок.

Великан перевернул. Скоро с крыльшек весь жир выгорел, стали подгорать пёрышки.

– Ой, ой, ой! Достань меня из огня!– закричала птичка. – Отпусти!
Я мою сестру за тебя замуж отдам!

Великан спрашивает:

– Как ты отдашь её? Ты летаешь, я по земле хожу, за тобой не успею.

– Я полечу, на снегу крылышками буду чертить.

– Ладно, лети! – согласился великан и выпустил птичку на волю.

Полетела птичка, стала чёрточки на снегу делать. Залетела в юрту, где осталась сестра. Обрадовалась она, стала просить брата обратно в человека превратиться.

– Я тебе жениха нашёл. Идёт сюда великан.

– Зачем мне великан? У меня жених есть. Не хочу великана видеть!

– Теперь уже поздно. Он идёт по моим меткам.

– Не хочу видеть великана! – заплакала сестра.

– Давай что-нибудь придумаем. Давай сделаем маленьким-маленьким наш чум, чтобы он не мог залезть в него.

Так и сделали. Птичка говорит:

– Однако не справиться нам с великаном. Давай огонь разведём, в нём пещню накалим и нож наточим.

Только поставили чум, развели огонь. Слышат: пыхтит, идёт к чуму великан.

– Вот здесь живёт сестра моя, – кружа над чумом, пропищала птичка.

– Чего такая дверь маленькая? Как я в неё зайду? Как на невесту погляжу?

– У нас жених в чум задом заходит. Раздевайся, снимай Ол-вёнтох.

Разделся великан, полез в чум. В это время пютка с сестрой достали из огня раскаленную пещню, нож и стали тыкать ими голое место великана. Взвыл от боли великан и убежал навсегда в лес. А братец обратно из пютки в человека обратился. Стали они дружно жить с сестрой, слушать и защищать друг друга.

*Когда люди научились защищать,
сказка моя умела далеко летать...*

МОЛЧАЛИВАЯ ЖЕНА

Жили в одной избушке два брата с семьями. Раз пошли они на охоту, а жёнам наказывали: «Живите дружно, не ругайтесь, детей успокаивайте. Недалеко от нас злой дух Атым-лунг живёт. Он не любит, когда его тревожат». Жёны пообещали.

Стоило только им скрыться из виду, как дети старшего брата стали шалить, кувыркаться на шкурах, кричать, бороться друг с другом. Мать не успокаивала их, сама шумела: дверь с шумом распахивала, на собак кричала.

Жена младшего брата вышла из избушки, чтобы от шума отдохнуть, и услышала шорох деревьев и чей-то стон на реке. Забежала в избушку.

– Тише. К нам кто-то идёт. Деревья к земле клонятся, а за ними чей-то стон, – сказала со страхом в голосе.

– Это тебе показалось, – ответила женщина старшего брата и стала валяться с детьми на шкурах.

В это время распахнулась дверь и в избушку ввалился Вонт-ике. Косматый, бородатый, с большими глазами, длинными ушами. Задрожали женщины, затряслись от страха шаловливые ребяташки. Постояло чудище в двери и на порог уселось. Сидит, пыхтит, из избушки никого не выпускает.

Тут жена младшего брата догадалась: не напрасно пришёл к ним Урманый старик. Тихонько она вынула своего ребёнка из берестяной люльки, положила его в подол платья, а пустую люльку стала качать, будто ребёнка усыпляет. Потом подошла к порогу, на котором Урманый старик сидел, и сказала:

– Иким, пропусти меня. Я сырые стружки из люльки выброшу.

Посопел старик, отодвинулся, пропустил женщину. Вышла она из избушки и увидела на земле чужой глиняный котелок. Схватила его и побежала в лес. Иким сразу почувствовал, кто его котелок взял. Приоткрыл дверь и громким голосом крикнул:

– Верни котелок!

Молодая женщина испугалась, бросила котелок в сторону и побежала, куда глаза глядели.

Рассерженный Вонт-ике съел всё семейство старшего брата, только головы оставил. Потом встал, отыскал одежду и пошёл надевать на колья головы, накрывать цветными платками.

Через несколько дней охотники возвращались домой. Увидев издали развевающиеся на ветру платки, старший брат обрадованно сказал:

– Что-то твоей жены не видать, а мои все меня встречают.

Только хотел обнять жену, а её голова упала и покатилась под ноги, и у детей также. Заплакал, загоревал охотник. А младший ему и говорит:

– Если моих детей здесь нет, пойду их искать, – и ушёл в лес. Остался несчастный охотник жить в избушке один. Стал на охоту ходить, зверя ловить, купцов поджидать, шкурами торговать.

Раз шёл он домой и видит: из трубы дым идёт. «Кто у меня тюгал затопил?» – подумал. Открыл дверь и видит: сидит возле огня

женщина. Стал он раздеваться. Женщина вскочила, взяла одежду, сушить повесила, горячей ухи налила, сугмелуват подала, сама села рядом, молчит.

– Кто ты? Откуда пришла? – спросил охотник, а она всё молчит.

Наступила ночь. Лёг спать охотник. Немного погодя к нему легла молчаливая женщина. Стала его миловать. Приголубил её охотник.

Начали они жить как муж с женой. Женщина ухаживала за ним, но не разговаривала. И надумал он пошутить над ней – спрятать от неё люй, которым она горячий суп мешала. Вот вскипел котёл, поднялась в нём пена. Вскочила женщина, за чувал заглянула, под шкуры, все глиняные горшки переставила. А уха в котле всё кипит и кипит. Тогда полезла она рукой в кипящий котёл. Обожгла руку, закричала так громко, что охотник чуть не оглох, повалился на шкуры без памяти.

Сколько времени прошло – не помнит. А как очнулся, жены нет. Вышел из избушки и увидел на снегу следы. Оделся и пошёл по следам жену искать... Много дней шёл по лесам, через буреломы и скоро увидел большой кат. Заглянул в ледяное окно и видит: спит на широких нарах старый Вонт-ике со своей Име, а между ними – его жена молчаливая.

Вонт-ике зачихал, почуяв запах человека. Спросил сквозь сон:

– Ты пришёл, охотник? Заходи.

Зашёл охотник, стоит возле порога.

– Нетерпеливый ты, – сказал Вонт-ике, вставая с нарты. – Раньше времени спрятал черпак, а то бы сына дождался.

– Не знал я, – покаялся охотник.

– Ну ладно, иди домой. Будет у тебя сын, твоих-то я съел.

Нечего делать, побрёл охотник к своей избушке. Весёлым лаем встретил его амп. Открывает он дверь и видит: сидит на шкуре его молчаливая жена, а возле неё малый сынок в люльке качается.

БЕРЕСТЯНОЙ НОС

Пришла зима. Наступила пора лесовать. У охотников к этой поре всё готово: починены лыжи нималь, печкан почищен, провиант припасён, сухари насушены. Каждый знает свои охотничьи тропы и на удачу надеется.

Дед давно на охоту не ходил, всё спина болела. А тут собрался и пошёл в лес. Не отпускала его старуха, да он не послушал её.

Шёл, шёл, устал. Сел на поваленное бурей дерево и увидел вдалеке избушку. «Пойду в ней переночую», – подумал он. В крохотном окошке свет тусклый заметил. Не разучился ещё дед на лыжах тихо, неслышно ходить. Подошёл к избушке, стучать не стал, а надумал в окно посмотреть. И видит: сидит на полу косматая немква и шкуры перебирает. Красного зверя шкуру на одну лавку бросает, чёрного зверя шкуру – на другую, белки за спину кидает.

«Какое богатство!» – подумал дед. Сам глядит, а про всякую осторожность забыл. Наступил нечаянно на сухую ветку, она и хрустнула под лыжнёй. Немква услышала, вскочила с полу, стала сбрасывать шкуры в одну кучу да жильными верёвками связывать.

Тут дед надумал перехитрить немкву. Недолго думая, выбрал берёзу, содрал клочок коры и сделал из неё длинный нос. Подошёл к окну и стал стучать им. Поглядела немква в окно да как закричит:

– Никогда не видела никого с таким носом!

Испугалась, выскочила из избушки и про мешок свой забыла.

Дед, недолго думая, зашёл в избушку, сложил все шкуры, взвалил на спину и домой пошёл к своей старухе. Удивились все, когда узнали про добычу деда. Но никому и в голову не пришло, что он обманул саму Лесную немкву.

БРАТ И СЕСТРА

Жили в Мыг хоте брат с сестрой. Брат на охоту ходил, часто кон приносил. А сестра домашнее хозяйство вела. Один раз ушёл брат и не вернулся. Часто выходила сестра из избушки, бегала по лесной опушке, по ближним лесам, но брата не могла встретить.

Вдруг дверь распахнулась и на пороге появилась медведица. Не испугалась сестра, схватила стоявшую возле порога палку и несколько раз ударила медведицу по спине, приговаривая: «Уходи, я брата жду, а не тебя!»

Как настало утро, пошла она по следам зверя и увидела: лежит её брат. Одежда порвана, лоскуточки на ветру трепещутся.

«Неужели та медведица растерзала его?» – подумала. Сама собрала косточки брата, привезла на нарте домой, положила на постель, где брат спал. Поплакала, закрыла юрту и пошла людей искать. Идёт-идёт – и видит: навстречу ей мышиная упряжка бежит, на ней сидит косматая лесная баба, с нарты мышата валяются. Она подхватывает их палкой и швыряет по сторонам.

– Пойдём со мной, – сказала косматая баба. – Я тебя накормлю.

– Нет. Я в дорогу сушеной рыбы брала. Пойду людей искать.

– Иди в ту сторону, куда я последнего мышонка бросила.

Долго шла девушка по лесу. Вывела её узенькая тропинка к стойбищу. Жили в нём добрые люди. Напоили, накормили девушку, у себя жить оставили. Она всё умела делать: малицы шить, из осоки нитки прясть, обувь шить из кожи оленя. Понравилась она людям, они нашли ей жениха богатого.

Держал отец жениха большое оленьё стадо. Взяли они девушку в свою большую избу. Скоро к молодой в олов-май-ни жених пришёл. В своё время родился у них сын. Ике был рад внуку: учил его ездить на оленьих упряжках, учил из лука стрелять.

Прошло время, Ике спросил невестку, нет ли в местах, где стояла их избушка, оленьего мха.

– Мы рыбачили, на олений мох не глядели, – ответила девушка.

– Возьми нарты оленные, запряги в быструю упряжку и съезди к своим берегам. Внук наш умеет управлять оленями, возьми его.

Обрадовалась молодая женщина, что в родных краях побывать сможет.

Снарядили ликер-вели, помчали олени по бескрайним просторам Ваха-реки. На одном из перекрёстков им опять лесная баба на мышиной упряжке попалась.

– А-а-а! Старая знакомая, богатая стала, на оленьих упряжках катаешься! – закричала она.

– Гляди, у тебя опять мышата с нарты валятся.

– Пусть валятся, народятся ещё. А ты куда едешь?

– К своей старой избушке.

– Но тебе не в ту сторону. Гляди, куда полетит мышонок.

Приподняла на палке мышонка, швырнула над головой. Перелетел он через голову лесной бабы.

– Туда тебе надо гнать оленей.

Повернули упряжку, поехали.

Самец-олень остановился, остановились и другие олени. Видят: бегут навстречу ребяташки весёлые и кричат:

– Апа, апа. На оленях приехала женщина, на тебя похожая.

– Женщины, на меня похожей, давным-давно нет. Ушла она, куда глаза глядели.

Но когда вошла сестра в юрту, увидела брата живого и здорового, глазам не поверила. Возле чувала сидела женщина. Вскочила и стала обнимать сестру, спрашивая:

– Разве ты не знаешь меня? Забыла, как палкой из избы выгоняла?

– Я медведицу палкой била, – сказала сестра.

– Это была я. А как ты ушла из избы, я вошла, вылечила твоего брата. Вот мы и живём, детей растим.

Праздник учинили. Вино, руками деланное, пили, на панан-юхе играли, песни пели. Через несколько дней собрались гости уезжать, а брат и говорит:

– Я своему племяннику хочу лук, стрелы подарить.

Долго дядя делал племяннику лук: тетиву налаживал, клеем клеил, у огня гнул. Подал племяннику. Взял он лук, прицелился в одну сторону: хоп! В другую сторону: хоп! И всё в цель попадает.

– Воином хорошим будет, – говорит брат сестре.

Собрались скоро уезжать к отцу и дедушке. Брат достал с полки берестяную коробочку с семейными знаками и подал сестре на память семейные знаки луны и солнца:

– Быть может, придёт трудная минута, они помогут тебе.

– У меня своя защита есть – сын.

Скоро на землю Заливных лугов с северной стороны чужие племена пришли. Пошли люди защищать свои очаги, а сестра и говорит:

– Возьмите мои домашние знаки. Как будут приближаться чужие люди, достаньте знак луны. Сразу на землю темнота нападёт. Они спутают все дороги. Если снова вас догонять станут, достаньте знак солнца. Засияет оно так, что враги ослепнут, а если и это не поможет, зовите. Придёт к вам на помощь мой сын-богатырь.

Время пришло, сказка моя, лети, лети...

СМЕЛЫЙ МАЛЬЧИК

Похоронил охотник своих родителей, встал на нималь, пошёл в урман. Долго шёл, пока на берег Большой реки не вышел. Видит: юрта стоит. Зашёл и увидел: сидит на шкурах девушка, из голени оленя нитки делает. Поздоровался охотник, а она будто не слышит.

– Убери ноги, – сказал охотник. – Чего так плохо встречаешь гостя?

Девушка ничего не ответила, только взглядом повела.

Скоро за избушкой послышались голоса. Вошли братья-рыбаки, а с ними старый отец. Пока они снасти разбирали, одежду снимали, девушка уху сварила. Старый рыбак и говорит:

– Вижу, гость у нас.

Один из братьев добавил:

– Может, это пришёл к нам Май-ку?

Посидели возле огня, поговорили о рыбалке, об охоте, все спать легли. И гостю место нашлось. На другой день отец спросил:

– Хорошая у меня дочь?

– Хорошая, – живо ответил охотник. – Только я бедный охотник, не могу тебе дать хорошего калыма за её красоту.

– А ты мне внука подаришь? Разве это не подарок для старого человека?

Скоро свадьбу справили. Стали жить-поживать молодые. Пришло время, и сынок у них родился. Обрадовался старик, нарадоваться внуком не может, а тот весёлый растёт, улыбчивый.

Прошло какое-то время, старик и говорит охотнику:

– Может, в родную сторону съездить охота?

– Неплохо бы, да дорога дальняя.

– Возьми кутов-рыт, плывите. Только осторожно плывите, внизу по реке злые великаны живут. Не останавливайтесь у берегов. А если они остановят вас, поговорите об ирехе и дальше плывите, но пьяную воду не пейте.

Поплыли всем семейством в гости. Вёслами еле воды касались, молчали, чтоб голоса не слышно было. Но великаны не пропустили обласок, заставили охотника с семьёй на берег выйти.

– Попробуй наше кото-вере-инк.

– Не буду пробовать. Нам плыть дальше надо.

– Попробуй только один глоток.

Согласился охотник. Только проглотил руками деланное вино, в голове зашумело, берега покачнулись. Захохотали великаны, стали между собой барахтаться, с кореньями дерева выдергивать да в реку бросать. Заплакала женщина, заплакал сыночек, а отец лежит на берегу, будто умер. Взяли его великаны, перевязали верёвками из куй-пам и бросили в гнилое озеро, где менкам водились. Люльку с маленьким сыночком в кусты швырнули, мать за косы схватили, повели в гору.

Много дней лежал маленький мальчик под кустами. Плакать не плакал, а только ротик открывал. Дождевые капли в рот ему сами прыгали. Рос он быстро. Скоро научился расшнуровывать ремешки

на люльке. Днём вылезал из неё, бегал по бережку, а как устанет или замёрзнет – опять в люльку лезет.

В это время у матери маленькая доченька родилась.

Как-то раз послали её великаны речной воды принести. Со страхом шла она к берегу, думала, что сыночка её давно разорвали голодные звери. Сыночек издали заметил мать, побежал к ней навстречу. Увидела его мать, обняла и заплакала:

– Что мне делать теперь? – сказала она. – Великаны убьют и тебя, и маленькую сестрёнку. Нет у них жалости.

– А ты как придёшь, положи в люльку игольницу, на неё сверху положи сестрёнку. Как только она заплачет, бери скорее на руки и ругай великанов, говори, какие они бессердечные.

Тут с горы грозные голоса великанов послышались. Испугалась мать, спрятала сыночка в кусты, побежала в гору.

– С кем это ты разговаривала? – спрашивают великаны.

– Ни с кем, – ответила она.

– Мы видим, у тебя возле рта складки шевелятся.

– Может, с собакой, которая со мной бегала.

Пришла мать, сделала так, как сынок велел. Девочка громко заплакала.

– Бессердечные вы! Разве не слышите, как она плачет? Может, она своё сердце ищет? – сказала мать.

– Может, – согласился старый великан. – Наши-то у железного тегора спрятаны, что на другом берегу реки живёт.

Сыночек, спрятавшись за углом избы, слышал всё, побежал к реке. Нашёл на берегу бревно, переплыл на другой берег, стал искать железного зайца. Много дней искал. Лист на деревьях начал желтеть. Вдруг видит, выпрыгнул из чащобы большой зайчище: уши длинные, глаза выпученные. Недолго раздумывал мальчик, изловчился и схватил зайца за уши. Заверещал зверёк, стал лапами царапать мальчика. Не испугался он, вскочил на спину зайцу.

– Чего тебе от меня надо? – запищал заяц.

– Отдай сердца великанов! – закричал мальчик и стал бить пятками по бокам зверька. Из него и посыпались яйца. Собрал он быстро их, сел на брёвнышко, переплыл на другую сторону, подбежал к избушке великанов. Тут один из великанов повалился на пол, другие затряслись.

– Кто-то наши сердца нашёл, – еле слышно сказал один.

– Я нашёл ваши сердца, – ответил мальчик, забегая в избу. – У зайца в брюхе были они.

Держит в маленьких ладонях яйца и перебрасывает с одной руки на другую.

– Умрём мы, – дрожа в судорогах, застонали великаны. – Говори, чего тебе надо?

– Отца моего надо, мать мою надо, сестрёнку.

– Бери ловушку, она в кустах спрятана, и вытаскивай из озера своего отца. Он, быть может, ещё оживёт.

Не стал больше слушать великанов мальчик, размахнулся и бросил яйца с горы. Покатились они к подножию. Которые разбились, значит, тому великану смерть пришла, которые треснули – тот великан еле-еле по полу стал ползать. Прибежали к кустам сыночек с матерью да сестрёнкой, стали искать рыбную ловушку. Забросили её в озеро, вытащили отца. Долго обмывали его речной водой, кормили ягодами да кедровыми орехами. Ожил отец, и отправились они дальше.

ЗАКОЛДОВАННАЯ СОСНА

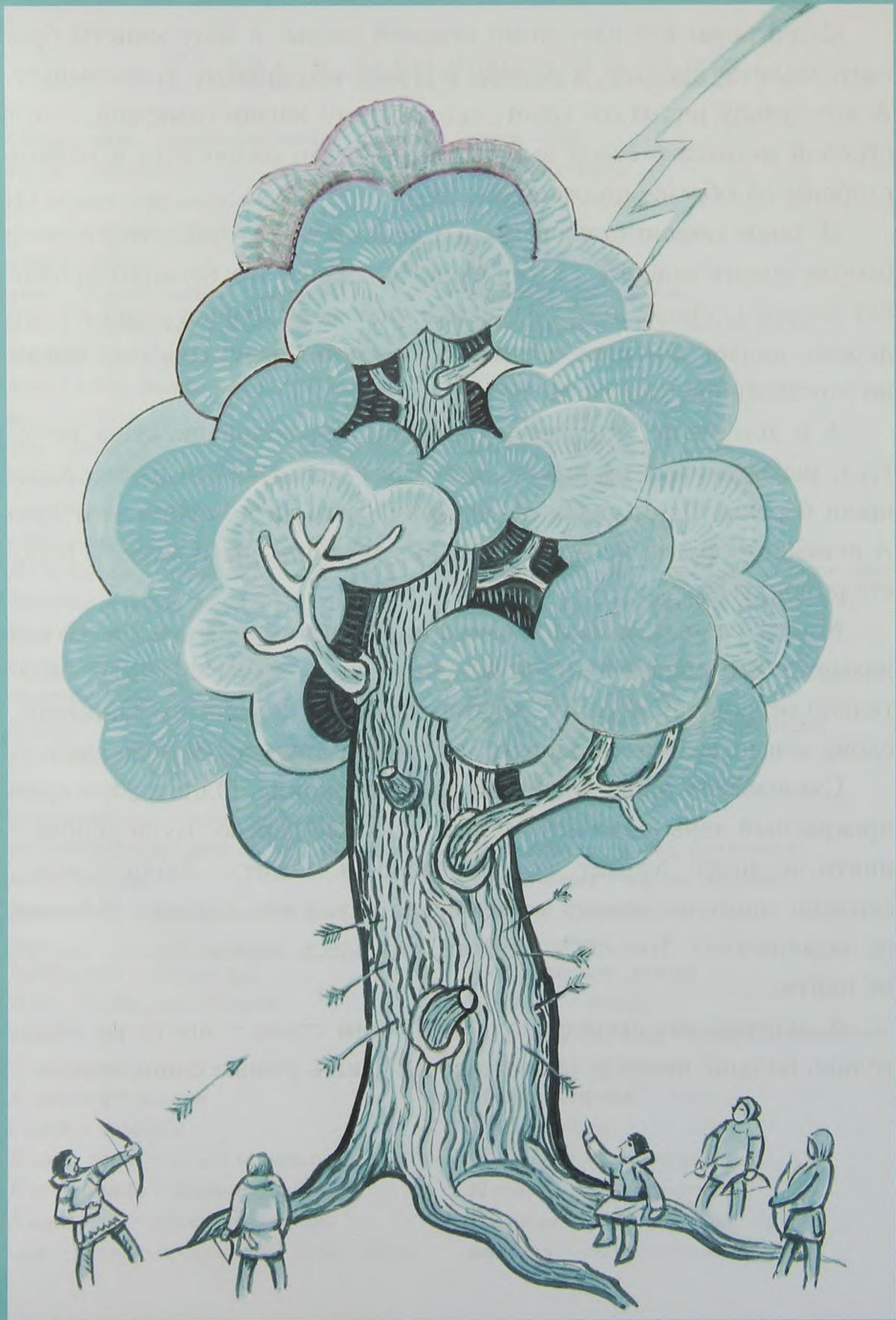
Вустье реки Комсэс много лет стояла вековая сосна. Такая высокая, мощная, статная, недоступная. Проезжали мимо этого места пожилые мужчины-охотники, целились и метко поражали их стрелы высокое дерево – каждый хотел показать себя опытным. Проезжали мимо молодые охотники, метко поражали их стрелы высокое дерево – каждый хотел показать себя в ловкости. Расхвастался однажды молодой парень:

– Я да я, всем вам нос утру: лучше меня ни один метко стрелять не может! Клянусь, если хоть раз промахнусь, то самое высокое вековое дерево спилю, изрублю на дрова.

И давай они соревноваться. А хвастун так и бахвалится, так и бахвалится: часа три стрелы метали, устали, решили – по последней. Все метнули стрелы, не каждый попал. Вот пришёл черёд парня-хвастуна, а у него вдруг рука онемела: шевельнуть не может. Языком одно тараторит: «Вот я вас, да я...» Откуда ни возьмись молния сверкнула, пронеслась, как ураган, лодку чуть было не перевернула. И стрела хвастуна, едва пущенная, скользом прошла возле дерева. Второй раз сверкнула молния: всё будто огнём вокруг взялось. От воды к берегу яркая полоса пробежала, а потом как загрохочет на всю вселенную. Испугались молодцы, встревожились, зажмурились, друг к другу прижались.

Когда всё стихло вокруг, осмелели. Глянули и обомлели. У высокой сосны, куда стрелы метали, верхушку дерева будто кто топором обтесал, а сама стоит хоть бы что. Только взглянули на парня-хвастуна, а он слова вымолвить не может: и язык онемел, и рука не шевелится, еле живой...

Приехали в деревню, рассказали сородичам. И вспомнили тут люди: забыли они и детей не научили, что предки то святое место им наказывали беречь.

С той поры кто едет мимо вековой сосны, в воду монеты бросает, молитву шепчет, к дереву полоски матерчатые привязывает. А кто судьбу испытать хочет, сколько ему жизни отмерено, – тот стрелой метится в ствол высокой сосны, что разрослась в разные стороны на обрыве по острову.

И такое пошло поверье: чья Кет-ёгал мимо пролетит, к тому скорая смерть придёт, а кто попадет в дерево, тот богатым проживёт до конца своих дней. Заметили ещё: если птичка сядет на это дерево, падает замертво. Отчего – никто не знает. Поэтому птицы на это дерево не садились, не любили.

А в том месте, где ветвь с дерева над водой висит, в речке Кул, рыбы видимо-невидимо. Берегли её, не трогали и всем завещали беречь. Один чудака не поверил, взял да и срубил этот сук. А ветвь-то обратно не прирастить. С той поры рыба здесь и перестала водиться.

Много разных историй знают в народе про то место. Стали называть его священным. Молодые свадьбу как сыграют, обязательно остров тот посетят: ленточки повяжут, молитвы почитают, слова невысказанные произнесут, счастья друг другу пожелают.

Сколько лет прошло, черед дней успокоила. Однажды, в один прекрасный день люди испугались: пропало дерево. Куда делось – никто не знает. Может, водой унесло, а может... Люди помнят, сколько многочисленных стрел вонзалось в его сердце... Может, не выдержало? Только и следов, что здесь дерево было, теперь не найти.

А охотник тот выздоровел. Что с ним стало – никто не знает, только больше никогда он не хвастал, лишь умные слова говорил.

СЛОВАРЬ ХАНТЫЙСКИХ СЛОВ

ай-вар-ике – маленький месяц – июнь
алле – большой
Алле-ики – Большой старик
Алле-Эмтор – Большое озеро
амп – собака
ани – сестра, тётка старшая
Анки-Пугос (Торум-Анки, Калтац) – Самая Главная Женщина, Мать Бога, Божья мать, жизнеподательница
ана – отец
атым-ни – злая женщина
атым-ку – злой человек
атым-лунг – злой (худой) дух
Ват-пугол – город юрт
Ват-ях – народ города
Вах-вонт – Ваховский урман
вели-кат – оленья юрта
вели-сов-чов – куртка из оленьих шкур
вели-сох – кисы из оленьей шкуры
вой – жир
волег-юх-ике – лист падает с дерева
вонт-имельта-ике – в урман ходить, месяц ноябрь
Вонт-ике – Урманый Старик, Лесной дух
Вот-лунг – Ветра дух
Вэс – Чудовище, Мамонт
ёгал – лук
ёган – река
Ёлта-ку – шаман
ёлта – ворожба
Ёлта-лепа – халат шамана
Ёлта-мюль – шапка шамана
Ёлта-пас – рукавицы шамана
ике – старший, мужчина, муж, свёкор

иким – дед
име – женщина
имиль – бабушка
ирех – жертвоприношения
Их – медведь
Кантах-ку – остяк
кантах-амп – остяцкая собака
кат – юрта
Кет-ёгал – ручной лук, стрела
Коем – бубен
Колтак-Ню – Дух Огня
Комсэс – устье реки Ваха
кон – соболь
кос – звёзды
кото-вере-инк – руками деланное вино
Котла-ёр – полуденная сторона, юг
кочик – нож
куй-пам – чёсаная трава пырей
кул – рыба, обилие
Куль – злой дух подземного мира, смерть
кутов-рыт – средний облас
кэв – камень
лавэтти – ругать, браниться
ликер-вели – нарты оленные
ловать – дождь
лунги – духи
люй – черпак, ложка
Май-ку – жених
Май-Ни, Мэй-нэ – невеста, невестка
мальты – лукошко
Менк, менкам – змея
Мыг – земля
Мыг хот – земляной дом
Наги-ни – Белая женщина
Немква – лесной (худой) дух
нималь – лыжи-подволоки

ного – мясо
Няй-Ны, Най – Огонь-женщина, душа
и мир очажного огня
ол-вёнтох – штаны
Олов-май-ни – полог невесты
Палантив – колотушка бубна
панан-юх – домбра, дерево поёт
петявола – здравствуйте
печкан – ружьё
Пурнэ – шестипалое существо, непутёвая женщина, ведьма
пютка – птица, птичка
пянтем-кул-пекар-инк – уха
из толчёной сушёной рыбы
Руть-ике – русский мужик
Руть-ни – русская женщина
рыт – облас
Сарт-лунг – Шука-дух
Сувс-ики, Сэвсики – лесной людоед,
многоголовое существо
сугме-луват – чай берёзовый
сунг – солнце
сурым-касы – человек умер

тарам-вот – ветер стучит, гром,
буря
Тегор – заяц
Тоглан-ваях – крылатая птица орёл
Торум – Верховный Бог
Торум-кат – Божья юрта, моленный
дом, храм
Тугот-Пуркой – угольки огня, горя-
щая палка в чувале, очажный огонь
Туй – верховье реки
тэр-кул – жареная рыба
тюгал – чувал, очаг
уги – дочь
ул – ягоды
Урн-ике – ворона прилетает – месяц
март
чого – снег
Чуга-нял-кух – громовая стрела
из камня
югон – ночь
Яль-нельтан – войска поклялись
Ях – народ

В книге представлены носители информации:

– с. Ларьяк: Сидор Семёнович Каткалев и Марина Александровна Неттина (Каткалева), Мария Александровна Камина, Агафья Ивановна Астахова;

– с. Корлики: Николай Михайлович Могульчин, Лидия Нестеровна Каткалева, Мария Кирилловна Кунина, Евдокия Николаевна Прасина, Антон Николаевич Каткалев, Татьяна Фёдоровна Каткалева, Екатерина Николаевна Кунина;

– с. Рынья: Семён Анисимович Арзамасов;

– с. Варьёган: Владимир Талёвич Айваседа.

Сказки народа ханты записала и обработала Альбина Кузьмина.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Давным-давно это было, когда сказка моя не умела летать...</i>	
Когда люди бессмертными были	3
Сказание о странствии Ёлта-ку	5
<i>И были времена, сражались богатыри-герои былинного эпоса, когда сказка моя училась летать...</i>	
Героическое сказание об остяцком Богатыре, Анки-Пугос и золотом олене	9
Сказка о хантыйском Алле-герое, или Как род богатым стал	11
Котелок с напёрсток	15
<i>Когда люди стали обижать друг друга, сказка моя училась летать...</i>	
О чём медведь Торуму жаловался	17
Женщина-огонь	19
Сказ о двух огнях	20
<i>Когда звери стали обижать, ещё сказка моя училась летать...</i>	
Наги-ни и девка Пурнэ	23
Жадная ворона	26
<i>Когда люди стали народом, сказка моя стала летать...</i>	
Загадочное имя	28
Золотая хозяйка	31
Пютка и сестра	36
<i>Когда люди научились защищать, сказка моя умела далеко летать...</i>	
Молчаливая жена	39
Берестяной нос	42
Брат и сестра	43
<i>Время пришло, сказка моя, лети, лети...</i>	
Смелый мальчик	46
Заколдованная сосна	50
Словарь хантыйских слов	53

Особая признательность М. К. Анисимковой,
члену Союза писателей России,
заслуженному работнику культуры РФ,
Почётному гражданину города Нижневартовска,
ещё при жизни благословившей и обязавшей издать
мною записанные и обработанные легенды, мифы,
героические сказания народа ханты
по Ваху и Обскому Северу.

Альбина Семёновна Кузьмина

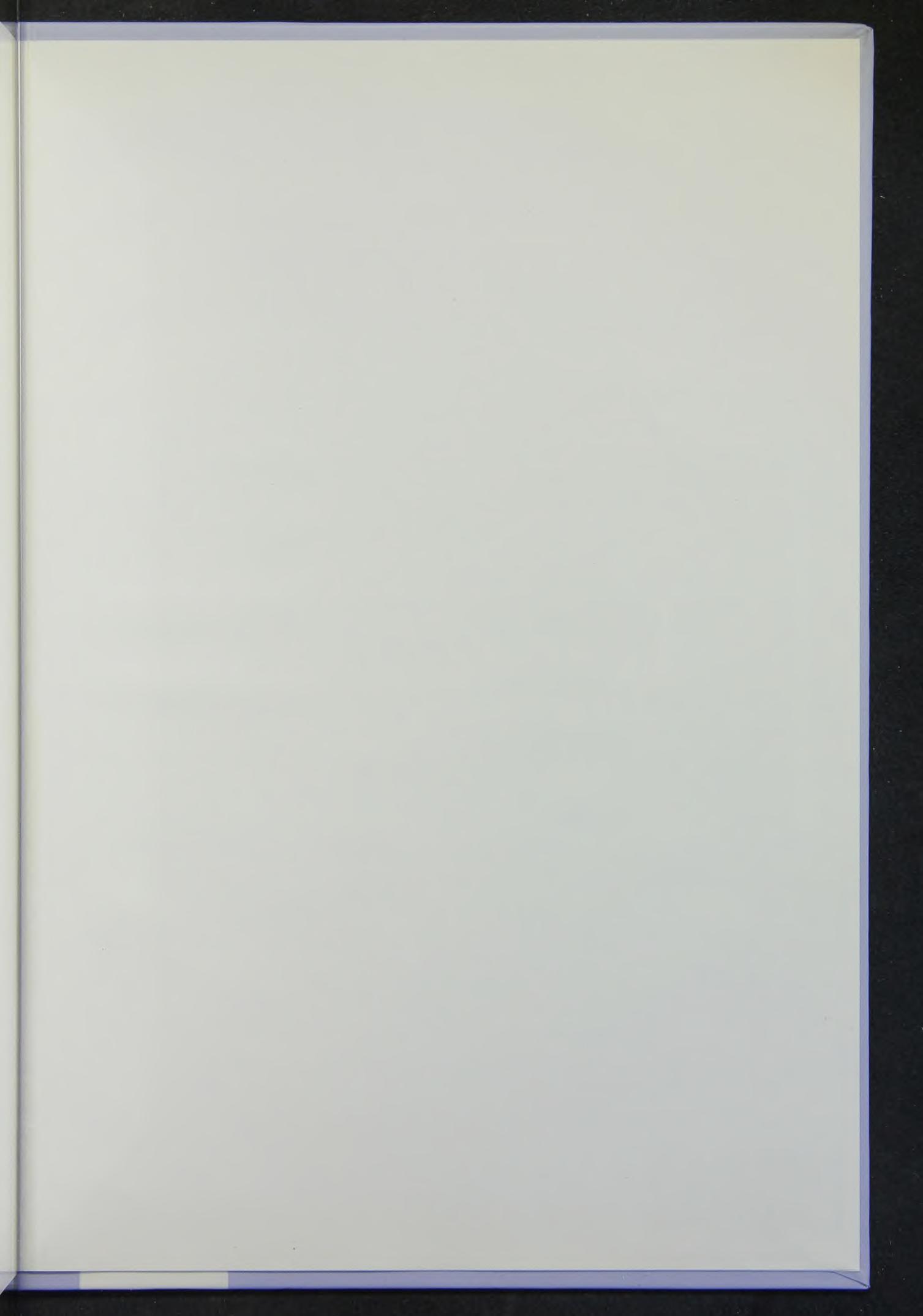
КОГДА ЛЮДИ БЕССМЕРТНЫМИ БЫЛИ

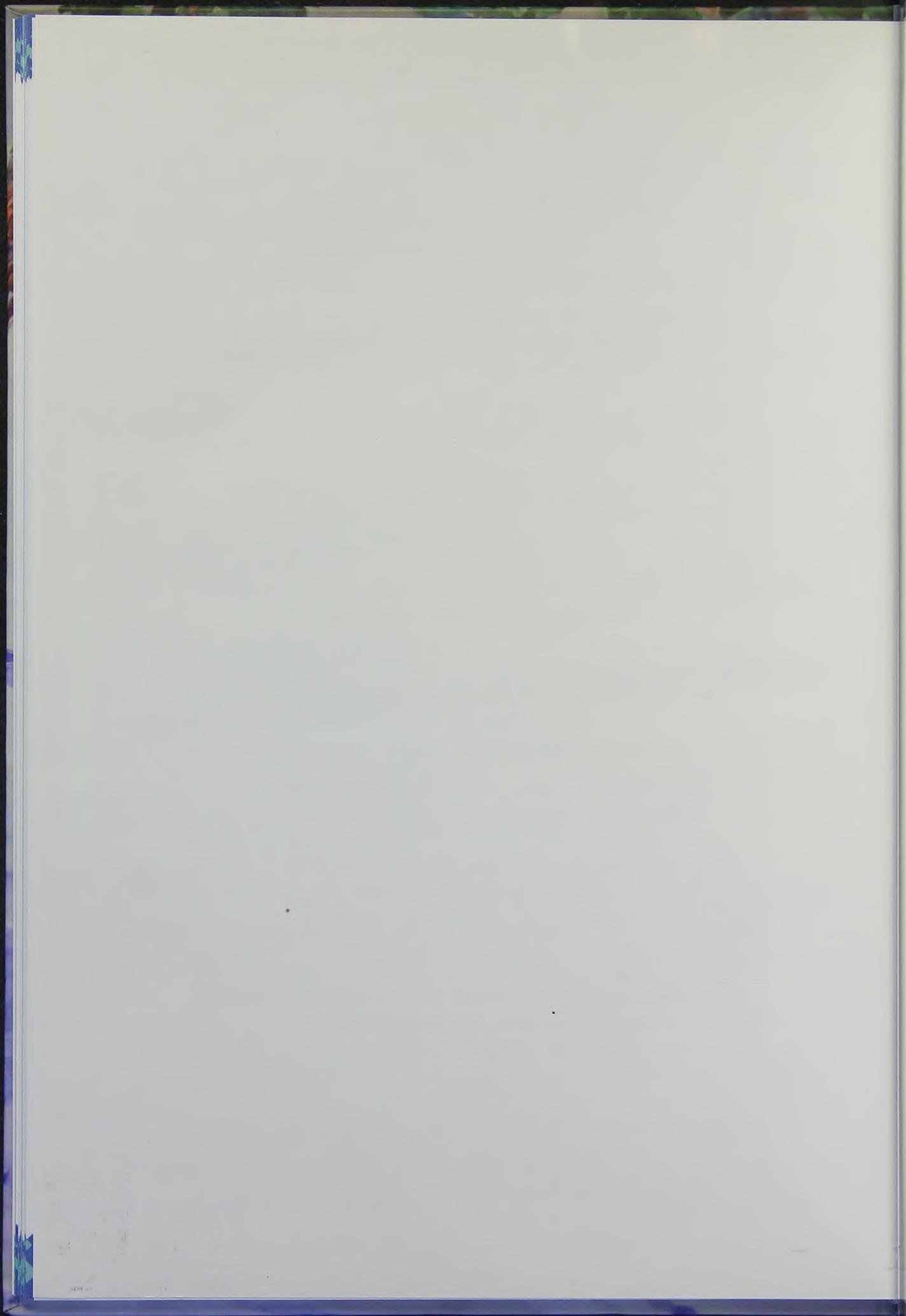
Легенды, мифы, героические сказания
народа ханты по Ваху и Обскому Северу

Автор и составитель А. С. Кузьмина
Художник: Н. Г. Курач
Дизайн, вёрстка В. А. Михайлов

Подписано в печать: 23.10.2015. Формат: 70x100 / 16.
Печать офсетная. Усл.печ.л. 3,5.
Тираж 500 шт. Заказ № 22953.

Отпечатано в авторской редакции в ООО «Сити-пресс»
г. Тюмень, ул. Республики, 211
Тел. +7(3452) 27-37-00

196-88

044012017

Государственная библиотека Югры

КУЗЬМИНА

Альбина

Семёновна

Родилась в с. Рынья Тобольского района Тюменской области. Автор книг «На священных берегах Ваха», «Мой Нижневартовск», «Главный лесничий», «Звонкоголосая Сибирь» и других.

В арсенале более 200 статей, научных работ. Кандидат культурологии, лауреат премии Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «За развитие культуры малочисленных народов Севера».

Член Союза писателей России.

Живёт в Нижневартовске.

ISBN 978-5-98100-177-2

9 785981 001772